

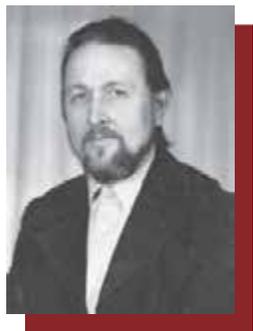
Творческая судьба художника А.И. Кравченко

Рассказывается о выдающемся русском художнике А.И. Кравченко, оставившем огромное творческое наследие. Он вошел в историю книжной графики и экслибриса XX в. как создатель уникального стиля гравюры на дереве, отличающейся удивительной живописностью и поэтичностью раскрытия образов литературных произведений мировой классики. Художник был также крупным педагогом, воспитавшим плеяду своих последователей в технике гравюры на дереве, которые внесли весомый вклад в искусство книги и экслибриса нашего времени. Некоторые его ученики приобрели мировую известность.

Ключевые слова: *графика, офорт, ксилография, экслибрис, А.Н. Бенуа, М.С. Базыкин, композиция, замысел, мастер, тон, живопись, библиофил, педагог, монография, букинист.*

Творческую судьбу выдающегося графика XX столетия Алексея Ильича Кравченко (1889—1940) предсказал его старший коллега И.Н. Павлов. Увидев на одной выставке его работы, он сказал автору: «Я не знаю, каким Вы будете живописцем, но что в Вас сидит первоклассный гравёр, мне это совершенно ясно». Конечно, сказанное засело в памяти художника, но неизвестно как бы все сложилось дальше, если бы И.Н. Павлов не предпринял следующий шаг, чтобы привлечь А.И. Кравченко в мир графики. Он привез вскоре в Тарусу, где последний проводил лето, линолеум и инструменты и показал ему приемы гравирования. Первые попытки работать в новой технике оказались настолько успешными, что это по-настоящему увлекло художника. Еще одному решающему шагу А.И. Кравченко в искусство графики способствовал известный гравёр И.И. Нивинский, блестящий мастер офорта, обучивший А.И. Кравченко своим приемам.

Когда А.И. Кравченко начал осваивать гравюру на дереве, оказалось, что она идеально подходит художнику, любившему тонкую, певучую линию и богатый узор штрихов. Ксилография становится его любимой техникой и оттесняет в его творчестве на второй план живопись и офорт. Решающую роль сыграло осознание того, что благодаря большим тиражам и доступности, ксилография станет источником эстетического просвещения массового зрителя. Художник был убежден, что «специфический язык гравюры — с экспрессией линий, четкой досказанностью формы, патетикой и монументальностью, которые

Виталий Маркович Бакуменко,
журналист, ветеран Государственного академического Большого театра России, вице-президент Российской ассоциации экслибриса Международного союза книголюбов

А.И. Кравченко.
Автопортрет
(1922 г.)

могли дать большие тематические гравюры, — созвучен революционной современности».

Переехав в 1921 г. из Саратова в Москву, Алексей Кравченко попадает в благоприятную среду. Он знакомится с крупными художниками, знатоками графики и библиофилами. Постигание секретов ксилографии художник начинает с создания цикла экслибрисов. Биограф художника М.С. Базыкин отмечал, что без всякого руководства и помощи извне А.И. Кравченко в первых своих гравюрах на дереве преодолел трудности ксилографической техники. Больше всего специалистов поразило его умение сочетать лаконизм гравюры с тонкостью и изысканностью.

Появление экслибрисов А.И. Кравченко на выставке знаменитого объединения художников «Мир искусства» высоко оценил даже такой строгий критик, как выдающийся художник А.Н. Бенуа: «Новым среди нас можно считать разве только гравера Кравченко, деревяшки которого обличают своеобразный вкус и своеобразный технический прием. В то же время это прелестные в полном смысле измышления и изделия, остроумию композиционных замыслов в них вполне соответствует лаконичность форм и какое-то особенное использование светотени. Еще одна ценная черта в них: при известной курьезности затей нет ни капли гримасничанья. Это художественные произведения в полном смысле слова, и вот в них «деликатность психологии» основана на строгости и простоте, имеющих в себе даже что-то классическое. В этих крошечных вещичках живет подлинное искусство» [1].

Экслибрисы
А.И. Кравченко

Трудно припомнить другой случай, когда дебют художника в новой для него технике получил столь высокую оценку крупнейшего мастера изобразительного искусства и признанного искусствоведа.

Все, писавшие о ксилографии А.И. Кравченко, подчеркивали особую эмоциональность его графики. Но только недавно выяснилось, как художник добивался такого результата. Оказалось, что он долго

и тщательно работал над поиском пластического решения композиции будущей гравюры, но на доску переносил только схему предварительного рисунка, и окончательно воплощал замысел уже в самой резьбе. Это и создавало впечатление непосредственности, свежести, раскованности, полной свободы и неудержимой сиюминутной импровизации в каждой работе.

А главное, художник сразу постиг огромное значение роли тона — важнейшего средства выразительности художественной гравюры. Современники же А.И. Кравченко в погоне за броскостью контрастов утрачивали язык гравюрного штриха и тона.

Один из них однажды спросил И.Н. Павлова: «Почему это у вас, старых граверов, все воздушно, а у меня все плотно и нерельефно?» Мастер ответил: «Мы, вышколенные техникой, вникаем в саму суть вырезаемого штриха. Каждым резцом, получая тон от темного до светлого, воздушного, можно добиться перспективы и рельефа на гладкой поверхности доски. Нужно уметь выгравировывать расстояние ближе и шире полосками резьбы.»

Что же делаете вы, современные граверы? Нарисовав на доске все реально, вы закрываете это серым тоном краски и начинаете работать, как графики, пером. От этого приема у вас и не получается воздушной перспективы. Просветы резьбы становятся цветом дерева. Смотришь на ваш оттиск — свет есть, а тона, воздушной перспективы нет» [4].

А.И. Кравченко добился блистательных результатов еще и потому, что пошел по пути старых мастеров-граверов. Тоновая гравюра, создаваемая художником специальными штихелями (многие из которых он сам изобрел и изготовил), отличалась сложнейшими тоновыми переходами. Он и ученикам своим уже в самом начале обучения настойчиво внушал главную задачу: изучить *тон* и соотношение *линий*. Позже свое кредо А.И. Кравченко сформулировал следующим образом: «Гравюра — это прежде всего оттиск на бумаге с помощью клише, обработка белого листа черной линией, а следовательно, тем самым гравюре указывается ее органический путь. Черная линия, ее свойства, ее качество, ее пластика определяют в дальнейшем форму, пространство, цвет и оформление всей художественной идеи. Черная линия в гравюре значительно труднее белой — ее нужно обрезать с двух сторон... В моих работах мысль о качестве черной линии в большинстве случаев всегда определяет гравюру как гравюру живописную. В негативном процессе белой линии я нахожу моменты для решения светотеневых задач. Линия же черная дает мне возможность окрашивать предметы в бесконечные градации теплых тонов» [2].

В работе над экслибрисами А.И. Кравченко в полной мере овладел искусством ксилографии, и это помогло ему в дальнейшем в полной мере раскрыть свое незаурядное дарование в станковой гравюре и книжной иллюстрации.

К созданию экслибрисов в технике ксилографии А.И. Кравченко приступил, когда наряду

Экслибрисы А.И. Кравченко

с мастерами «Мира искусства» появилась новая плеяда талантливых художников книжного знака. Сказать новое слово в непривычном для себя жанре ему удалось не только благодаря незаурядному дарованию, но и потому что он сумел по-новому раскрыть технические возможности древнего искусства ксилографии и стал активно включать в композиции своих сюжетов новые темы, эмблемы и символы. На многих экслибрисах художника были изображены памятники архитектуры, живописные виды парков со скульптурами, дворцовые интерьеры прошлых веков, примечательные уголки провинциальных городов, а также мотивы архитектуры в сочетании с пейзажем. Большую роль сыграло и то, что все его композиции отличались не только высоким мастерством ксилографии, но и безупречным рисунком.

А.И. Кравченко в полной мере сумел использовать своеобразие экслибриса как жанра графики, позволяющего дать характеристику заказчика и раскрыть в художественных образах его интересы и увлечения. Огромное достоинство экслибрисов мастера заключалось в многообразии сюжетных мотивов и оригинальности композиций.

Лю б и м ы е с ю ж е т ы А.И. Кравченко — библиофилы. Изображая чудаковатых романтиков, влюбленных в книгу, художник часто наделял их внешностью мечтателей XIX века.

Каждый экслибрис Кравченко — это рассказ, новелла, отмеченная безупречным вкусом, тонким юмором и подкупающей непосредственностью автора. Большая часть произведений мастера отмечена духом романтики и тонкой поэтичности.

Огромные достижения А.И. Кравченко в искусстве экслибриса были обусловлены еще и тем фактом, что художник был выдающимся библиофилом. Автор книги о нем, искусствовед и художник М.Ю. Панов отмечал:

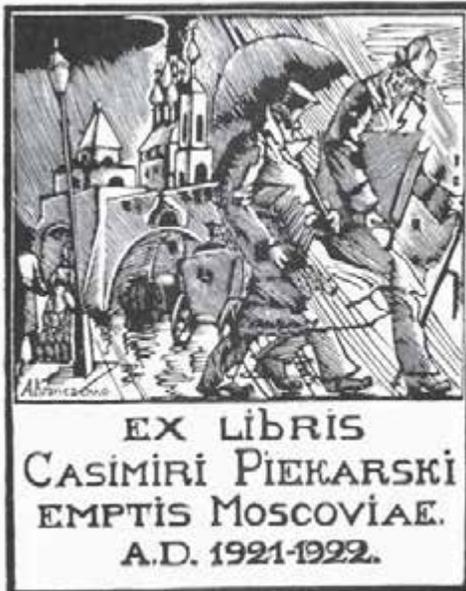
«Кравченко был страстным книголюбом, он любил книгу пламенно и нежно. В течение всей жизни, с самых юных лет, всегда и везде, где бы он ни был, в Москве, у Китайгородской стены или на набережной Сены в Париже, его влекли к себе книжные магазины, в особенности лотки букинистов. Для него было наслаждением рыться в старых книгах, вдыхать аромат столетий, держать в руках тома в роскошном марокене, потертом кожаном или пергаментном переплете. Каждый раз, возвращаясь от букинистов, Алексей Ильич приносил домой целую связку книг, иногда редких, иногда красивых, а иногда просто чем-нибудь заинтересовавших его.

Преподавая ксилографию в Московском государственном художественном институте, Кравченко показывал студентам редчайшие книги из своей библиотеки и объяснял достоинства и недостатки оформления.

Естественно, что экслибрисы должны были привлечь его внимание, вызвать желание попробовать свои силы в этой области» [3].

К сожалению, так блистательно разворачивавшаяся работа А.И. Кравченко над экслибрисами в конце 1920-х гг. была приостановлена. К тому времени художник детально разработал и фактически выгравировал большую серию проектов книжных знаков — осталось только включить в их композиции имена владельцев. Из ряда монографий, посвященных его творчеству, известно, что в те годы А.И. Кравченко много работал как станковист и художник книги, вел активную педагогическую деятельность, часто ездил за рубеж, поэтому ему было не до экслибрисов. Но, вероятно, главная причина заключалась в том, что в те злополучные годы были разгромлены общества книголюбов и клубы коллекционеров, и А.И. Кравченко понимал, что его любимое занятие следует отложить до лучших времен...

О существовании серии проектов экслибрисов художника стало известно, когда Московский клуб экслибрисистов занялся подготовкой издания книги М.Ю. Панова «А.И. Кравченко» в серии «Книжные знаки мастеров графики».

Экслибрис А.И. Кравченко

Из 56 книжных знаков художника следует выделить в отдельную группу работы, которые обрели своих владельцев во второй половине XX века. Созданные Кравченко проекты были приобретены увлеченными библиофилами и популяризаторами искусства экслибриса. Они украсили библиотеки А.А. Сидорова, М.Ю. Панова, В.Д. Перкина, И.А. Масеева, К. Дегтяр, К. Шевченко, З. Мокарского, М. Гинцбурга, Н.Г. Розенблюма, А.С. Голушкиной, А.И. Маркушевича, Б.В. Михайловского. Мы намерено исключили эти экслибрисы из иллюстративного ряда статьи, и представляем в качестве иллюстраций только знаки, которые были полностью завершены самим художником. Думаем, что только эти произведения в полной мере отражают то, что А.И. Кравченко считал завершенным и окончательным вариантом своего замысла.

Список источников

1. *Бенуа А.Н.* О выставке «Мир искусства» // Русский современник. — 1924. — № 2. — С. 262.
2. *Кравченко А.И.* Автобиография / А.И. Кравченко. — Рукопись хранится в семье художника.
3. *Панов М.Ю.* А.И. Кравченко // Книжные знаки мастеров графики. — М.: Книга, 1969. — С. 8.
4. *Павлов И.Н.* Жизнь русского гравера / И.Н. Павлов. — М., 1963. — С. 238.

Иллюстративный материал предоставлен автором статьи.